

Культура. — 1998. — 9-15 апр. — с. 13

Колокольчики Арво Пярта

Нет выше музыки, чем тишина

На днях в Париже Хор Эстонской филармонии под управлением Тынну Кальюсте исполнил новое сочинение Арво Пярта "Канон Покаянен" — на текст из православной Великопостной службы. Мировая премьера "Канона" с успехом прошла 17 марта в Кельне (сочинение было написано по заказу Кельнского собора — к 750-летию со дня его основания). Парижское исполнение состоялось в рамках фестиваля "Триумф" (о самом фестивале читайте на стр.14).

У живущего ныне в Берлине эстонского композитора Арво Пярта — мировая слава. Его сочинения звучат в самых престижных залах, в исполнении именитых артистов. Как водится, музыка Пярта, быстро завоевавшая Запад, долгое время обходила стороной Россию. Не последнюю роль здесь сыграла его эмиграция (в 1980 году композитор переехал в Вена, затем в Берлин — прежде ему несколько раз отказывали в выезде за границу, в том числе и на премьеры собственных сочинений). В последние годы творчество Пярта стало возвращаться: сначала эпизодическими вкраплениями в отдельные фестивали, затем — все более открыто; наконец, врученная композитору в прошлом году летом российская премия "Триумф" официально подтвердила то, что еще раньше свершилось де-факто: Арво Пярту в России рады.

Притом, что жизнь созданных творений вынуждает композитора много путешествовать по миру, он, в сущности, остается отшельником. Не дает интервью, не жаует средства массовой информации. Вообще не терпит суеты. Ни в жизни, ни в музыке. "Истина проста. Эксперимент — всего лишь эпизод на пути наивного искателя, а детские игры рано или поздно кончаются".

Для того чтобы сделать такой вывод, Арво Пярту понадобилось пройти путь самого решительного новаторства. Его додекафонный "Некролог", написанный еще в Таллиннской консерватории, поверг критиков в шок. Были и более смелые опыты. А потом Пярт сделал резкий поворот в сторону: его простые, строгие темы, ясная тональность показались едва ли не более революционными, нежели когда-то его же эксперимен-

тальные опусы. Ведь композитор отрекся от бунтарства как раз тогда, когда ниспровержение устоев вошло в правила игры, ломать традицию стало традицией. Жажда новаторства у большинства не утолена по сей день. Страх повториться подобен страху смерти. В тот момент, когда художник его перерастает, он становится Мастером. Альфред Шнитке назвал это "возвращением поэзии". Арво Пярт — более причудливо: tintinnabuli, или "колокольчики". Придя к стилю "tintinnabuli" в середине 70-х годов, композитор остается верен ему и сегодня.

Чистый, натуральный звук колокольчиков стал для Пярта воплощением первозданной гармонии природы. И он нашел их музыкальный прототип: натуральное трезвучие. Собственно, красота трезвучия открылась ему раньше, в 1968 году, когда композитор написал "Credo" на текст Нагорной проповеди, нокаутировавшее критиков своей неслыханной смелостью. Конфликт двух миров, двух символов веры ("Вы слышали, что сказано: око за око, зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому") автор передал как столкновение хаотичной, резко диссонансирующей звуковой массы и чистых трезвучных переливов до-мажорной прелюдии Баха. Благозвучие поглотило какофонию, вернулся разумный порядок вещей.

Но в "Credo" это было всего лишь приемом — коллажем. С приходом "tintinnabuli" Пярт возвел трезвучие в закон. "В трезвучии меня подкупают естественная чистота, лаконизм и гармоничность. Сейчас говорят, что тональная музыка снова в моде, но ведь и мода просто так не возникает. Это все равно, что вдох и выдох.

Невозможно все время вдыхать, нужно и выдыхать..."

Трезвучие пронизывает всю музыку Пярта: по горизонтали и вертикали, отдельные мотивы, части сочинения и конструкцию в целом. Одной из первых действие нового закона испытала на себе "Summa" (как и "Credo", католический символ веры), написанная в 1976 году для вокального ансамбля. Пропущенный сквозь фильтр магической цифры, музыкальный язык словно очистился, прояснился. Эмоциональность сменилась спокойным знанием: "Верую во единого Бога". Аскетичные григорианские мелодии, стройные созвучия напомнили о средневековом величии строгого стиля. "Григорианский хорал научил меня тому, какая космическая тайна сокрыта в комбинировании двух-трех тонов".

Следуя старинной традиции, композитор сделал переложение "Summa" для струнного оркестра. Еще больше вариантов выдержало другое сочинение Пярта — "Fratres", инструментованное для восьми разных составов. По замыслу автора, число вариантов может быть бесконечным, потому что не в инструментах дело. Ядро заключено в самой музыке, тембр — всего лишь наряд, а значит, категория суетная, бременная, в то время как нотный текст — величина неизменная.

Истина немногословна. Стиль "tintinnabuli" композитор называл "бегством в добровольную бедность". "Да; нет. А что сверх того, то от лукавого". Так творили старые мастера. И к этому стремится Арво Пярт — отсекая все лишнее, раскрывать перед слушателем красоту закона, гармонию числа. "Tintinnabuli" — это поиски музыки одного звука". В идеале — это музыка тишины. В произведениях

Пярта сквозь "телесную" звуковую ткань просвечивает невесомая аура пауз. Они — дух, душа, дыхание музыки, в них — ее жизнь и смысл (в 1977 году впервые увидев партитуру концерта "Tabula Rasa" для двух скрипок, струнного оркестра и препарированного фортепиано, исполнители, удивленные обилием пауз, растерянно спрашивали: "Где же музыка?"). "Прежде чем воскреснуть, нужно умереть. Прежде чем что-то сказать, нужно промолчать. Мои сочинения всегда возникали после того, как я долго молчал, в буквальном смысле слова" (характерно, что то же рекомендуют йоги: наряду с голоданием несколько дней абсолютного молчания — чтобы очистить не только тело, но и помыслы). "Когда я говорю о молчании, я подразумеваю под ним то самое "ничто", из которого Господь создал мир. И в этом смысле пауза — священна. Тишина дана нам не просто так, но чтобы питать нас. И эта подпитка необходима точно так же, как воздух".

Покой и весомость исходят не только из пауз. Каждый тон наполнен и многозначен. "Нельзя торопиться. Надо взвешивать каждый шаг от одной точки до другой на нотной бумаге. Надо, чтобы этот шаг был совершен только после того, как ты пропустил все возможные звуки через свое "чистилище". Тогда звук, претерпевший до конца все испытания, будет истинным". Композитор как-то пожаловался, что лишен способности "петь" в своей музыке. Пожалуй, это так, если под пением понимать льющуюся мелодию единого дыхания. Пяртовская мелодия — другая. В ней каждый звук живет своей жизнью. Это не песня, а речение. Мудрое и сокровенное именно потому, что каждое его слово — выстрадано. Такую тему нельзя напеть. Она — для того, чтобы захватывать и, раз задев, уже не отпустить. Как не отпускают просветленные, взмывающие ввысь интонации Magnificat, раскатыстые паузы и сокрушительные секвенции Miserere, встречные потоки (сияющий и скорбный) Stabat Mater, наполненные, пульсирующие созвучия струнных в "Песни Силуана", теплые, задушевные фразы "Те

Deum", воздействующие словно в противовес его "авангардистскому" составу (три хора, препарированное фортепиано, струнный оркестр и магнитная лента).

Избранность и емкость каждой интонации — вот то, что противопоставляет внешне строгие, "просчитанные" сочинения Пярта гладкой, эмоционально выровненной полифонии Средневековья и Возрождения. Равно как и механистично-однотонному медитированию сегодняшнего минимализма и утонченной эзотеричности авангардизма. В то же время диктат числа кристаллизует эмоцию, не дает ей обнажаться, "кровоточить", как, бывает, "кровоточат" музыкальные исповеди современных экспрессионистов. Облагороженное порядком, чувство никогда не проявляет себя открыто — так не позволяли себе чрезмерно ликовать в радости или рвать волосы в горе люди далеких мудрых эпох, потому что знали: на все воля Божья. "Внутренний покой — всеопределяющий. Порядок тела и духа создается только в покое. Это высшая сила и источник энергии". Единичным переживаниям не поглотить мирового порядка, как жизненным коллизиям не поглотить самой жизни. Как части не поглотить целого. Как мелким диссонансирующим оборотам не перекрыть соборный, колокольный гул опорного трезвучия. Таково миропонимание Арво Пярта, такова его творческая вера.

Не есть ли это религиозность высшего порядка? Перед которой становится неловко за царящие в нынешнем культурном пространстве эгоцентризм, жажду вечно новых ощущений, страх повториться... "Качество зависит от искренности и смирения. Ни о чем другом не надо заботиться. Это и есть настоящая смелость".

Смирение питает музыку Арво Пярта — она питает нас. И учит дышать (а не задыхаться) накануне разлома тысячелетий...

Татьяна СИДОРОВА

P.S. Автор выражает благодарность жене композитора Элеоноре Пярт за предоставленные фрагменты рабочих записей А.Пярта.